

Должностные преступления: особенности правоприменения

М. П. ПРОНИНА

Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

Реферат: В статье рассматриваются проблемы правоприменения в группе должностных преступлений. Должностные преступления наиболее опасны в связи с тем, что подрывают авторитет органов власти и напрямую нарушают права и законные интересы граждан и организаций. В этой связи законодатель установил уголовную ответственность для должностных лиц, злоупотребляющих своими функциональными обязанностями. В частности, автором изучаются проблемы квалификации, возникающие при правовой оценке преступлений, закрепленных в гл. 30 УК РФ, по причине высокого уровня их бланкетности и оценочности. Приводятся примеры судебно-следственной практики по вопросам конкуренции общих и специальных норм. Выявляются сложности в правовой оценке действий должностных лиц при определении признаков превышения должностных полномочий, закрепленных в ст. 286 УК РФ. Приводятся аргументы, являющиеся наглядной демонстрацией того, что решение выявленных проблем применения норм уголовного закона лежит в плоскости снижения уровня коллизионности уголовного законодательства. Вносятся практические предложения о включении дополнений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 12.1) и от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 21.1). Разрешение заявленных проблем в области применения норм уголовного закона заключается в выработке единообразной практики применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, уменьшении уровня пробельности уголовного законодательства, разработке методических и научных рекомендаций при участии сотрудников правоприменительных органов и ученых, составлении проектов законов и пленумов Верховного Суда Российской Федерации, направленных на искоренение недостатков и пробелов.

Ключевые слова: уголовное право; правоприменение; квалификация преступлений; должностные преступления; государство; общество; личность; должностное лицо; наказание; общественная опасность; конкуренция; бланкетность; коллизии; пробелы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Пронина М. П. Должностные преступления: особенности правоприменения. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):331–337. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-331-337.

Malfeasances: features of law enforcement

M. P. PRONINA

Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of law enforcement in the group of malfeasances. Official crimes are most dangerous due to the fact that they undermine the prestige of the authorities and directly violate the rights and legitimate interests of

citizens and organizations. In this regard the legislator has established criminal liability for officials who abuse their functional duties. In particular the author studies the problems of qualification arising in the legal assessment of crimes enshrined in Ch. 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the highest level of their blanketness and evaluativeness. Examples of judicial and investigative practice on competition issues of general and special rules are given. Difficulties are revealed in the legal assessment of the actions of officials when determining the signs of abuse of office, enshrined in Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. Arguments are presented that are a clear demonstration of the fact that the solution to the identified problems of applying the norms of the criminal law lies in the plane of reducing the level of conflict of laws of criminal legislation. Practical proposals are being made to include amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" (clause 12.1) and Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" (p. 21.1). The solution of the stated problems in the field of application of the norms of the criminal law consists in the development of a uniform practice of application of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, reduction of the level of gaps in criminal legislation, the development of methodological and scientific recommendations with the participation of law enforcement officials and scientists, the preparation of draft laws and plenums of the Supreme Court aimed at elimination of gaps and gaps.

Key words: criminal law; law enforcement; qualification of crimes; malfeasance; state; society; personality; official; punishment; public danger; competition; blanketness; collisions; gaps.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Pronina M.P. Malfeasances: features of law enforcement. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):331–337. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-331-337.

Преобразования в России в конце XX – начале XXI вв. затронули все сферы жизнедеятельности общества и государства. Кардинальному реформированию подвергся государственный аппарат, его структура и основные направления деятельности в области социально-экономической и политико-правовой жизни общества. Результативность поставленных перед государственной властью задач возможна только тогда, когда система управления будет функционировать в точном соответствии с нормативно-правовыми регламентами, в том числе и уголовным законом.

Законодатель установил ответственность в отношении должностных лиц, допускающих злоупотребления по службе, недобросовестно относящихся к своим функциональным обязанностям. Общественная опасность должностных преступлений заключается в том, что в результате их совершения нарушается нормальная законодательно регламентированная деятельность государственного аппарата, законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органов местного самоуправления, подрывается вера в справедливость закона, дискредитируются органы власти. Характерной особенностью является то, что должностные преступления совершаются субъектами не извне, а изнутри самой системы власти [2, с. 12]. Должностные лица исполь-

зуют свои служебные полномочия вопреки интересам службы, нарушая тем самым права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства. В этих условиях важное значение занимают вопросы квалификации противоправных деяний, совершаемых должностными лицами [3, с. 63].

Термин «квалификация» (*quails*) – одно из базовых понятий уголовного права – определяется как процесс отнесения какого-либо явления по четко определенным признакам к какому-либо виду либо категории [5, с. 223]. Применительно к уголовному праву это определение статьи уголовного закона, предусматривающего наказание за данное преступление.

В процессе квалификации преступлений правоприменитель дает юридическую оценку содеянному. В этой связи только квалификация является официальным признанием деяния общественно опасным, поэтому рассматриваемый процесс имеет важнейшие правовые последствия. Правильность квалификации имеет существенное значение для обвиняемого, подозреваемого либо уже осужденного, так как от нее зависит размер и вид наказания, применяемый к субъекту. В частности, например, ошибка в установлении отягчающего признака обязательно повлечет необоснованное применение к нему уголовного наказания. Допущенные ошибки

породят и другие нарушения, повлияют на выбор исправительного учреждения, режима отбытия наказания, исчисление сроков условно-досрочного освобождения, применение амнистии, определение сроков давности, сроков снятия судимости и т. д.

Юридически вредными являются и ошибки квалификации, снижающие реальный объем общественной опасности содеянного. В данном случае под сомнение ставятся цели наказания, отраженные в ст. 43 УК РФ, так как они объективно не могут быть достигнуты. Как видно, ошибочная квалификация влечет за собой не только существенные правовые последствия, но и глубокие политические, социальные, а в некоторых случаях даже негативные экономические изменения: снижается авторитет государственной власти в области противодействия преступности, подрывается вера в справедливость наказания. Все это снижает уровень общей и частной превенции. Только правильность квалификации составляет основу деятельности всех правоприменительных органов в области реализации уголовного законодательства [4, с. 110–111].

Особые проблемы квалификации возникают при правовой оценке преступлений, закрепленных в гл. 30 УК РФ, по причине высокого уровня их бланкетности и оценочности. Именно на этом вопросе хотелось бы остановиться более подробно.

Так, приговором Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода Т. был осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ за деяния, совершенные при следующих обстоятельствах: являясь оперуполномоченным и получив от обратившегося к нему гражданина А. информацию о совершенном в отношении него преступлении, связанном с тайным хищением сотового телефона, Т. скрыл ее от регистрационного учета, однако, используя полученные данные в корыстных целях, действуя вопреки интересам службы, сообщил гражданину О., на которого указал А., и стал требовать от него деньги, угрожая при этом в случае отказа возбуждением уголовного дела (Архив Канавин. район. суда г. Н. Новгорода. Уголов. дело № 1178/2010).

Представленная квалификация вызывает сомнения по следующим обстоятельствам:

– во-первых, Т. был признан должностным лицом, наделенным распорядительными полномочиями, в частности приемом и регистрацией заявлений о преступлениях и иных правонарушениях;

– во-вторых, установление факта совершения незаконных действий дает основание говорить не о злоупотреблении, а о превы-

шении должностных полномочий, то есть о ст. 286 УК РФ;

– в-третьих, должностное лицо, предъявившее требование о передаче имущества, имело реальную возможность предпринять меры по возбуждению уголовного дела, что исключает обман в его действиях, то есть признаки мошенничества в его действиях отсутствуют.

В этой связи имеется конкуренция двух общих норм – это получение взятки и превышение должностных полномочий, однако в данном случае следует руководствоваться правилом конкуренции общей и специальной нормы, что регламентировано ч. 3 ст. 17 УК РФ.

В этой связи действия Т. должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки за совершение заведомо незаконных действий, так как сокрытие преступления выступает в качестве одной из форм таких действий, повлекших существенное нарушение интересов общества или государства. Обоснование данного подхода лежит в том числе и в плоскости санкций, закрепленных в анализируемых статьях. Так, ч. 1 ст. 286 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до четырех лет, ч. 3 ст. 290 УК РФ – семь лет лишения свободы, а также штраф в размере сорокакратного размера взятки.

По-иному были квалифицированы схожие действия в г. Ростове-на-Дону. Оперуполномоченный уголовного розыска ОВД Первомайского района г. Ростова-на-Дону О., укрыв от регистрации факт хищения гражданином Т. чужого имущества, пытался получить взятку от подозреваемого. Под воздействием угроз оперуполномоченный заставил Т. подписать чистые бланки «Постановления о возбуждении уголовного дела и формулировании обвинения», «Протокола об обстоятельствах совершенного преступления», «Протокола разъяснения прав» и «Протокола ознакомления с материалами дела», которые в дальнейшем заполнил собственноручно от имени Т. После совершения данных действий О. потребовал от Т. взятку за прекращение в отношении него уголовного преследования. Тем самым О. умышленно поставил Т. в такие условия, при которых тот был вынужден дать взятку, при этом целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. Действия оперуполномоченного О. были квалифицированы по ст. 30 и ч. 1 ст. 299 УК РФ, ч. 2 ст. 303 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ (Архив Ростов. обл. суда г. Ростова, 1998. Уголов. дело № 9896665).

Полагаем, что, как и в приведенном примере, в этом случае остро стоит вопрос конкуренции общих и специальных норм. Действия О., содержащие в себе признаки фальсификации доказательств и привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, выступают в качестве подготовительной стадии к получению взятки. Виновный, совершая данные действия, осознавал отсутствие у него реальной возможности привлечения Т. к уголовной ответственности за кражу по причине отсутствия достаточных к тому оснований. Именно поэтому совершенные О. действия должны расцениваться как умышленное создание условий для получения взятки, что в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ относится к приготовительным действиям. Они могут быть оценены как незаконные, что непосредственно охватывается ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки за совершение заведомо незаконных действий, так как сокрытие преступления, создание видимости фальсификации доказательств, а также необоснованные угрозы привлечения к уголовной ответственности выступают в качестве форм таких действий, повлекших существенное нарушение интересов общества или государства. В этой связи действия виновного в случае получения незаконного вознаграждения охватываются ч. 3 ст. 290 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют. Это также подтверждается анализом санкций этих норм, что дает нам основание рассматривать общественные отношения, обеспечивающие законный порядок осуществления правосудия в качестве факкультативного объекта получения взятки за незаконные действия. С учетом нарушения правил квалификации становится актуальным вопрос о несоответствии правоприменительной практики принципу справедливости, закрепленному в ч. 2 ст. 6 УК РФ, где определен императивный запрет на повторное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же деяние.

Продолжая исследование проблем правоприменения в группе должностных преступлений, выделим еще одну коллизию. Так, возбужденное дело в отношении Ш., являющегося должностным лицом, по ст. 286 УК РФ при судебном рассмотрении было прекращено на основании применения положений ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим». Данная фабула ставит вопрос о возможности применения такого подхода.

Его разрешение следует искать в объекте посягательства. Непосредственным объ-

ектом ст. 286 УК РФ выступают общественные отношения, регулирующие интересы государства, и лицо, его совершающее, подрывает авторитет власти. Интересы же личности, а именно им был причинен ущерб, выступают в качестве дополнительного объекта. В этой связи возникает вопрос: возможно ли прекращение уголовного дела по примирению с потерпевшим, если причиненный ему ущерб не отражает сущности совершаемого преступления? Конечно же, нет, так как действия виновного снижают уровень общественной опасности совершенного им преступления, но уголовно-правовые отношения в этом случае по данному основанию прекращены быть не могут. Об этом свидетельствует и тот факт, что субъект преступления относится к категории специальных, то есть он наделен распорядительными полномочиями в отношении неопределенного круга лиц. Примирение с лицом, в отношении которого виновный обладает властными полномочиями, не может объективно свидетельствовать о добровольности волеизъявления потерпевшего лица.

Именно поэтому прокуратурой г. Барнаула Алтайского края вновь было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Ш. по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Схожие примеры можно обнаружить и в рамках квалификации ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». Так, 27 января 2017 г. судьей Промышленного районного суда г. Самары вынесено постановление о прекращении уголовного преследования в отношении гражданина С. по факту оскорбления представителя власти при выполнении им служебных обязанностей. В основу принятия такого решения было положено письменное ходатайство от потерпевшего М. о прекращении уголовного дела по причине отсутствия у него претензий к виновному и примирения с ним (Архив Пром. район. суда г. Самары. Уголов. дело № 1-5/2017). Сторона государственного обвинения возражала против прекращения уголовного дела на основании примирения с потерпевшим, однако представленные ею доводы судом не были учтены, что, с нашей точки зрения, привело к принятию неправосудного решения.

Причина таких ошибок – это излишняя широта толкования положений ст. 76 УК РФ. Ее применение должно осуществляться на следующих основаниях: во-первых, это способы заглаживания вреда; во-вторых, перечень преступлений, по которым может быть применено данное основание освобождения от уголовной ответственности. В этом

вопросе необходимо ориентироваться на положения ст. 20 УПК РФ «Виды уголовного преследования». Так, ч. 2 данной статьи содержит перечень преступлений, по которым прекращение уголовного преследования по примирению не допустимо. Считаем, что его следует существенно расширить путем включения и деяний, посягающих на интересы государственной власти. Предоставление такого права правоприменителю не только нарушает основополагающие принципы уголовного права, но и делает ее максимально коррумпированной.

Большие сложности в правовой оценке действий должностных лиц содержатся и при определении признаков превышения должностных полномочий, закрепленных в ст. 286 УК РФ.

Так, по материалам уголовного дела № 1-3/2011, возбужденного в отношении гражданина Г. по п. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий, то есть совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения, а также оружия или специальных средств), который в должности ведущего охотоведа государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты» пресек противоправные действия на особо охраняемой природной территории граждан К., М., К., К., Н., А., сопряженные с незаконной охотой (Архив Моск. обл. суда. Уголов. дело № 11-3/2011).

Об ошибочности данной квалификации свидетельствуют следующие обстоятельства:

1. Квалификация деяния по норме, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, не основана на законе, так как действия Г. не выходили за рамки его служебных полномочий. Так, в соответствии с п. 3 должностной инструкции ведущего охотоведа от 1 апреля 2008 г., утвержденной руководителем государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», ведущий охотовед имеет право на особо охраняемой природной территории (акватории) проверять у граждан документы, разрешающие там находиться, произ-

водить остановку и досмотр транспортных средств, применять физическую силу, специальные средства, служебное оружие, а также разрешенное в качестве указанного оружия гражданское оружие самообороны и охотничье огнестрельное оружие. Данная инструкция составлена на основании ст. 31 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и Постановления Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 133 «О мерах по обеспечению служебным оружием и специальными средствами должностных лиц, выполняющих задачи по охране объектов животного мира».

2. Действия, совершенные Г., были выполнены в связи с пресечением им на особо охраняемой природной территории (с установленными предупреждающими знаками) противоправных деяний К., М., К., К., Н., А., которые находились в указанном месте на незарегистрированных транспортных средствах, без документов, удостоверяющих личность, с оружием (что подтверждается показаниями свидетелей и протоколом осмотра места происшествия). Данные обстоятельства указывают на то, что упомянутые выше лица осуществляли незаконную охоту, то есть преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 258 УК РФ (обнаружены стреляные гильзы и добытая в результате охоты лиса), в то время как решением Правления Зарайского ООиР район пребывания указанных лиц был закрыт для охоты с 9 сентября 2000 г.

3. Пресечение противоправных действий К., М., К., К., Н., А. сопровождалось их активным неповиновением законным требованиям представителя власти (Г. при задержании указанных лиц представился им, он был одет в форменную одежду), выразившемся в том, что они проигнорировали требования Г., продолжали движение на снегоходах, что заставило его произвести предупредительный выстрел вверх. Предпринятые меры не оказали должного воздействия. Нарушители пытались скрыться, сбив Г. снегоходом, что причинило ему телесные повреждения (гематома размером 12x10 см). Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии в действиях К., М., К., К., Н., А. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ.

Еще одним примером необоснованного привлечения к уголовной ответственности явилось уголовное дело по привлечению к уголовной ответственности Д. по п. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (Архив Моск. обл. суда. Уголов. дело № 11-3/2011).

Д., являясь ведущим охотоведом государственного учреждения Московской области

«Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», пресек противоправную деятельность с применением табельного оружия лиц, занимающихся незаконной охотой на территории заказника.

Материалы уголовного дела свидетельствуют о следующем:

1. Квалификация деяния по норме, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, не основана на законе, так как действия Д. не выходили за рамки его служебных полномочий. Так, в соответствии с п. 3 должностной инструкции ведущего охотоведа от 1 апреля 2008 г., составленной на основании ст. 31. Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и Постановления Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 133 «О мерах по обеспечению служебным оружием и специальными средствами должностных лиц, выполняющих задачи по охране объектов животного мира», утвержденной руководителем государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», ведущий охотовед имеет право на особо охраняемой природной территории (акватории) проверять у граждан документы, разрешающие там находиться, производить остановку и досмотр транспортных средств, применять физическую силу, специальные средства, служебное оружие, а также разрешенное в качестве указанного оружия гражданское оружие самообороны и охотничье огнестрельное оружие. При таких обстоятельствах, а также учитывая то, что К. предпринял попытку покинуть место происшествия, применение оружия указанным выше должностным лицом следует признать правомерным.

2. Действия, совершенные Д., были выполнены в связи с пресечением им противоправных деяний К., производившего незаконную охоту в запрещенное время. Данные обстоятельства указывают на то, что названное лицо осуществляло незаконную охоту, то есть преступление, предусмотренное п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ (что подтверждается наличием трупа лося, находящегося на саях, прикрепленных к снегоходу). Надуманным в данном случае выглядит вывод следователя о том, что Д. «не обладал достаточными данными о возможном совершении К. уголовно наказуемого преступления или административного правонарушения в сфере законодательства об охране и использовании животного мира».

Обращает на себя внимание допущенное следователем противоречие в оценке (квалификации) деяния, совершенного Д. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого акцентируется внимание на том, что последний произвел пять прицельных выстрелов в К. из нарезного карабина, в результате чего потерпевшему были причинены множественные телесные повреждения, однако следователь принял решение квалифицировать деяние не как покушение на убийство, что прямо вытекает из фабулы документа, а по п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Все это свидетельствует об отсутствии в действиях Д. признаков ст. 286 УК РФ.

Подводя итог, необходимо отметить, что качество правоприменительной деятельности уголовного законодательства в российской правовой системе напрямую зависит от социально-политических факторов, обусловленных эффективным мониторингом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, выработкой методических и научных рекомендаций при участии сотрудников правоприменительных органов и ученых, составлением проектов законов и пленумов Верховного Суда Российской Федерации, направленных на искоренение недостатков и пробелов.

Разрешение заявленных проблем в области применения норм уголовного закона заключается в выработке единообразной практики применения норм УК РФ, уменьшения уровня пробельности уголовного законодательства. Для этого необходимо внести дополнения в п. 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.09.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» следующего содержания:

– «В случае конкуренции ст. 286 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ, возникающей при получении должностным лицом незаконного вознаграждения, применению подлежит ч. 3 ст. 290 УК РФ по причине наличия в закрепленном в ней составе преступления корыстного мотива и незаконных действий, в качестве одной из форм которых выступает превышение должностных полномочий».

– «В случае получения незаконного вознаграждения, сопровождающегося угрозами привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и фальсификацией доказательств, действия виновного полностью охватываются ч. 3 ст. 290 УК РФ и дополнительной квалификации за приготовление к совершению преступлений, предусмотренных ст. 299 и 303 УК РФ, не требуют».

Также для решения заявленных противоречий в УК РФ необходимо дополнить п. 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» следующим содержанием: «Совершение лицом преступления против государственной власти исключает возможность освобождения от

уголовной ответственности по основаниям, закрепленным в ст. 76 УК РФ "Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим", по причине непосредственного причинения вреда интересам государственной власти». В этой связи примирение с представителем государственной власти, на которого и было направлено посягательство, может рассматриваться только как обстоятельство, смягчающее вину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, С. С.** Общая теория права. В 2 томах. Том 2 / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.
2. **Изосимов, С. В.** Ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления : учебно-практический комментарий к гл. 30 УК РФ / С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. – 98 с. – ISBN 5-8263-0030-2.
3. **Изосимов, С. В.** Служебные преступления : учебно-практический комментарий (гл. 23, 30 УК РФ) / С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. – 152 с. – ISBN 5-8263-0036-1.
4. **Пронина, М. П.** Современное состояние правоприменения в уголовном законодательстве / М. П. Пронина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 110–114.
5. Словарь иностранных слов / под редакцией В. В. Пчелкиной. – 14-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1987. – 608 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava. Tom 2* [General theory of law. Vol. 2]. Moscow, 1982. 360 p. (In Russ.).
2. Izosimov S. V. *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv gosudarstvennoj vlasti, interesov gosudarstvennoj sluzhby i sluzhby v organah mestnogo samoupravleniya* [Responsibility for crimes against state power, interests of public service and service in local government bodies]. Nizhny Novgorod, 2002. 98 p. (In Russ.).
3. Izosimov S. V. *Sluzhebnye prestupleniya* [Official crimes]. Nizhny Novgorod, 2003. 152 p. (In Russ.).
4. Pronina M. P. *Sovremennoe sostoyanie pravoprimeneniya v ugovnom zakonodatel'stve* [The current state of law enforcement in criminal legislation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 5, pp. 110–114. (In Russ.).
5. Pchelkina V. V. (red.) *Slovar' inostrannyh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, 1987. 608 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

МАРИЯ ПЕТРОВНА ПРОНИНА – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

MARIA P. PRONINA – Leading Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru